

носятся и сложное синтаксическое целое, а также соответствующие конструкции, передающие модальность.

4. По категориально-морфологическим блокам, содержащим все те части речи и их грамматические формы, которые способны служить для выражения модальности. В русском языке в такой функции выступают прежде всего следующие части речи: спрягаемая форма глагола, модальный глагол, инфинитив, краткая форма прилагательного, категория состояния, модальные слова и модальные частицы, предлоги, союзы и частицы.

Таким образом, категория модальности, рассматриваемая в коммуниктивном и лингвистическом аспектах, — это такая область языковой системы, которая позволяет нам связывать морфологические, семантические и функ-

циональные аспекты русского и венгерского глаголов с синтаксическими. А средства выражения модальности как категории, служащей для выражения отношения говорящего к действительности, в русском и венгерском языках являются соотносительными или сходными.

В учебных материалах по русскому языку, составленных для венгров, при программировании изучения категории модальности целесообразнее всего исходить из родного венгерского языка, поскольку в этой категории между двумя языками имеется большое сходство как в структурном, так и в функциональном и семантическом аспектах. Наша практика показывает, что программирование по сопоставительным блокам позволяет создать такие учебные единицы, которые комплексно могут вклю-

чать в себя и категориально-конструкционные, и ситуативно-семантические характеристики.

### Литература

1. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912. — 2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.—Л., 1928. — 3. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941. — 4. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945. — 5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947. — 6. Он же. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Института русского языка». I. М.—Л., 1950. — 7. Грамматика русского языка. Т. II, ч. I. М.—Л., 1952—1954. — 8. Molnár H. J. Módosító szók és módosító mondatrészek a mai magyar nyelvben. Budapest, 1968. — 9. Fenczy Gy. Orosz nyelvvizsga előkészítő. Budapest, 1971.

АГУС САЛИМ



## О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ИНДОНЕЗИЙЦАМ

Природа фразеологии в отличие от природы других лингвистических наук своеобразна. Хорошо владеть грамматикой и большим словарным запасом еще недостаточно для раскрытия значения какой-либо фразеологической единицы. Так, буквальное понимание словосочетания *высунуть язык* в некоторых случаях допустимо, например: «Цветы она поставила в стакан с водой. Потом взяла с тумбочки дядню зеркало. По-



смотрела в него, улыбнулась. Потом, очевидно, что-то ей в зеркале не понравилось. Она высунула язык...» (Гайдар). Однако есть случаи, когда такое понимание невозможно, сравните: «(Петя) опрокинул у какой-то лавочки корзину с рожками, и мальчишкам пришлось, высунув языки, два квартала бежать от хозяйки» (Катаев). Это объясняется тем, что во втором примере мы имеем дело с фразеологи-

ческой единицей, обладающей значением «быстро».

Вопрос о сопоставлении русских фразеологических единиц с индонезийскими актуален и имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Однако эта проблема чрезвычайно сложна, поскольку русский и индонезийский языки очень отличаются друг от друга; фразеологические единицы зафиксированы в словарях индонезийского языка недостаточно системно и последовательно; отсутствуют фразеологические словари индонезийского языка; специальные теоретические исследования в области фразеологии индонезийского языка очень немногочисленны.

Мы попытаемся дать лексико-семантическую классификацию русских фразеологических единиц, основанную на сопоставлении их с индонезийскими.

Русские фразеологические единицы могут быть переданы в индонезийском языке двумя способами: фразеологическими единицами и путем описания (словами).

При первом способе фразеологические единицы можно разделить на следующие группы.

I. Близкие по семантике и сходные по лексическому составу: *до седых волос* (sampai ubanan); *шаг за шагом* (setapak demi setapak); *как кошка с собакой* (seperti andjing dan kutjing); *до последней капли крови* (sampai titik darah jang penghabisan); *как небо и земля* (seperti bumi dan langit); *ловить рыбу в мутной воде* (memantjing ikan diair keruh); *остались кожа да кости* (tinggal kulit dan tulang); *руки чешутся* (tangan gatal) и др.

II. Близкие по семантике и лексическому составу: *как гром среди ясного неба* — *bagai halilintar disiang hari* (буквально: «как молния днем»); *ни рыба ни мясо* — *ular bukap ikanipun bukap* («вн змея, ни рыба»); *в поте лица* — *mandi keringat* («омываться потом») и др.

III. Близкие по семантике: *Как белым в глазу* — *sebagai durai da-*

*lam daging* (буквально: «как колючка в теле»); *как две капли воды* — *seperti pinang dibelah dua* («как две половинки плода арековой пальмы»); *убить двух зайцев* — *sambil menjelam minum air* («ныряя, пить воду»); *закрывать лавочку* — *gulung tikar* («свертывать циновку»); *собаку съел* — *sudah banjak makan garam* («много соли съел»).

Из этой классификации видно, что первая группа состоит из фразеологических единиц, которые в обоих языках полностью совпадают по семантике и лексическому составу. Казалось бы, все эти фразеологические единицы должны легко усваиваться в индонезийской аудитории. Но в действительности это не так, поскольку в некоторых случаях возникает целый ряд вопросов, связанных с грамматикой и стилистикой.

Так, фразеологизмы *руки чешутся* и *tangan gatal* имеют сходное значение («испытывать неодолимое желание сделать что-либо, заняться чем-либо»), но в русском компонент *руки* возможен только в форме множественного числа, тогда как в индонезийском допустимы обе формы.

В последнее время фразеологические единицы рассматриваются в плане их способности сочетаться с окружающими словами (в основном работы М. Т. Тагиева и В. П. Жукова). Под фразеологическим окружением понимаются слова свободного употребления, без которых невозможна реализация данного фразеологизма. Так, фразеологизм *во все лопатки* со значением «быстро» может сочетаться лишь с глаголами движения (*бежать, мчаться* и др.); фразеологизм *куры не клюют* («очень много») может сочетаться лишь с определенным окружением: словом *деньги* в родительном падеже. Если с этими фразеологическими единицами составить предложения, синонимичные высказываниям *У меня много книг. Брат быстро ест*, получатся предложения бессмысленные, смешные: *\*У меня книг куры не клюют; \*Брат ест*

*во все лопатки*. Именно такие ошибки часто делают иностранцы, когда они употребляют в своей речи русские фразеологизмы.

В сопоставительном плане сочетаемостные способности адекватных фразеологических единиц не всегда совпадают. Например, русская фразеологическая единица *как две капли воды* не употребляется без слова *похожи* и выполняет в предложении функцию обстояательства, тогда как ее эквивалент в индонезийском языке — *seperti pinang dibelah dua* (буквально: «как две половинки плода арековой пальмы») не требует обязательного окружения. Кроме того, в русском варианте в качестве подлежащего могут выступать не только существительные, обозначающие лицо, но и существительные отвлеченные, например такие, как *судьба, ошибка* и т. д.: «Ты сохраняешь все прежние привычки и подчас совершаешь ошибки, как две капли воды похожие на ошибки предыдущие...» («Комсомольская жизнь», 1972, № 5); в индонезийском варианте в качестве подлежащего, как правило, выступают существительные, обозначающие лица.

С фразеологическим окружением связана и проблема полисемии. Например, фразеологическая единица *в один голос* в сочетании со словами разных семантических полей дает разные значения. 1. «Одновременно». Здесь окружением являются глаголы речи — *говорить, спросить, ответить, закричать* и т. п. Например: «—Нет! Нет! — воскликнули мы все в один голос» (Тургенев); 2. «Единодушно», «единогласно». Здесь в качестве окружения выступают глаголы, выражающие понятие согласия, — *одобрить, признать* и т. д. Например: *Долго они спорили перед витриной магазина. Наконец все в один голос признали, что это не судак*.

Соответствующий индонезийский фразеологизм является однозначным (его значение совпадает со вторым значением русского эквивалента).

Большим вопросом для иностранцев, как известно, является стилистика. Большинство ошибок, сделанных ими в речи или в сочинениях, относится к стилистическим. Так, в сочинениях употребляются фразеологизмы, носящие просторечный характер (*протянуть ноги, благим матом* и др.). Между тем в индонезийском языке имеются фразеологические синонимы, относящиеся к разным языковым стилям, и использование их в индонезийской аудитории при объяснении стилистических различий русских фразеологизмов было бы эффективно.

Таким образом, преподавание русской фразеологии не должно ограничиваться лишь объяснением значений. Задача такого преподавания сложнее.

Необходимо, как нам представляется, специальный учебник, посвященный изучению русской фразеологии для иностранцев, в котором рассматривались бы такие вопросы, как полисемия фразеологизмов, синонимия, окружение, стилистические особенности и т. д.

Предстоит разработать фразеологический минимум, подобрать тексты и упражнения. Без широ-

кого контекста преподавание фразеологии немислимо.

Учебник такого типа, разумеется, будет рассчитан только на филологов и переводчиков художественной литературы.

Хочется еще раз напомнить, что фразеологические единицы при хорошем знании их грамматических и стилистических особенностей украшают речь иностранца, говорящего на русском языке. Неуместное же употребление фразеологизмов, когда нарушаются грамматические и стилистические нормы, уродует речь, делает ее смешной.

Н. КАУХЧИШВИЛИ



## О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФУНКЦИЯХ ЛИЧНЫХ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Собственное имя, по определению О. С. Ахмановой, представляет собой «слово или словосочетание, специфическим назначением которого является обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т. е. без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением, которое имеет данное слово или словосочетание»<sup>1</sup>. Однако в художественной литературе такие соответствия наблюдаются весьма часто, здесь они эстетически закономерны и проявления их очень разнообразны. В. В. Виноградов не-



однократно указывал на «специфику образно-художественного осмысления собственных имен, которые «значимы, выразительны

и социально характеристичны как прозвища»<sup>2</sup>, могут играть сюжетно-композиционную роль и даже выступать в качестве лейтмотива, «сопровождающего ход рассказа и образующего его концовку»<sup>3</sup>. Например, в рассказе К. М. Станюковича «Серж Птичкин» герой ощущает социально-оценочную окраску своей фамилии (это «какая-то мещанская фамилия») и недоумевает, «как это мать, девушка из старой дворянской семьи, решилась выйти замуж за человека, носящего фамилию

<sup>2</sup> В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 245.

<sup>3</sup> О и же. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 37.

<sup>1</sup> О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1963.